

Прощальный взгляд на постсовременность: между «свободой» и «безопасностью»

Зигмунт Бауман (1925–2017)

Светлана Баньковская

Кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник
Центра фундаментальной социологии
Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
Адрес: ул. Мясницкая, д. 20, г. Москва, Российская Федерация 101000
E-mail: sbankovskaya@gmail.com

Этот год начался для социологии с большой утраты — 9 января на 92-м году из жизни ушел Зигмунт Бауман.

Современную социологию и, пожалуй, еще шире — социальную теорию — невозможно представить себе без трудов Зигмунта Баумана. Во многом они определили облик прежде всего британской социальной науки¹, но влияние их поистине глобально. Дело не только в том, что Бауман — автор около шести десятков книг, многие из которых были переведены и изданы по всему миру², с ним спорят, его цитируют, его концепции изучают коллеги по цеху; но и в том, что его идеи свободно пересекают дисциплинарные границы, находя применение и развитие в различных областях социального знания. Можно сказать и больше — социологию Бауман рассматривал не только как научное предприятие, но наделял ее «сверхзадачей» — научить людей мыслить свободно (об этом он пишет уже в самых ранних работах³). Поэтому можно сказать, что его «послания» адресованы не только ученой публике, но и «человеку с улицы» — причем, так сказать, с улицы в любой части мира (нередко Баумана называют даже теоретиком альтерглобализма). И все же, пытаясь сделать почти невозможное — обобщить проблематику работ Баумана, — мы обнаружим неизменное присутствие в каждой его книге двух вопросов: «что такое постсовременное общество?» и «что происходит с моралью в этом обществе?». Ответом на первый вопрос послужила метафора «текучести»⁴. Вслед за «текучей современностью» это качество характеризует для Баумана всё

1. Зигмунт Бауман начал свой британский этап карьеры в 1971 году в университете Лидса, где преподавал, заведовал кафедрой и оставался почетным профессором до конца дней. В 2010 году в этом университете был создан и Институт Баумана (The Bauman Institute), занимающийся изучением разнообразных аспектов постсовременного общества.

2. В том числе и на русский язык переведено семь его книг.

3. «Sociologia na co dzień» (1964) затем переведена на английский («Thinking Sociologically», 1990) и на русский («Мыслить социологически», 1996).

4. Bauman Z. (2000). Liquid Modernity. Cambridge: Polity.

в социальном мире: любовь, время, зло, страх, жизнь⁵. Растолковывая эту метафору, Бауман говорит о неопределенности, амбивалентности, утрате устойчивости сегодняшнего общества, границы которого «растекаются». Чтобы наглядно объяснить студентам переход от современного общества к постсовременному, Бауман использовал «картинки Роршаха». «Попробуйте определить, когда на этих картинках кошка кажется собакой (или наоборот), а когда модерн становится постмодерном?»⁶. Разумеется, речь идет не только о политических границах национального государства. «Национальное государство» — один из главных персонажей, необходимых Бауману для описания всей драматичности нравственных коллизий «постсовременной» жизни. Этическое содержание социальных проблем неизменно было одним из приоритетных интересов для Баумана, а отношение к рациональному, упорядочивающему и дисциплинирующему «национальному государству» — скорее настроженным. В книге о глобализации это отношение меняется на более «сочувственное»⁷.

В «Обществе в осаде»⁸ Бауман опять анализирует положение «национального государства», размытого фронтиром глобализации, с одной стороны (когда старые структуры уже ничего не удерживают, а новые еще не сформировались), и текучей, неопределенной жизненной политикой — с другой. Между «всеобщим» и «частным» некогда помещалось «общее» (общество), теперь его становится все меньше. Отсюда и новый вызов социальной науке: власть и суверенитет больше не привязаны к территории национального государства, но и не получают определенных институциональных форм в новом (глобальном) пространстве. Что эта ситуация сулит в XXI веке? Можно ли ответить на этот вызов исключительно средствами политики? Исследуя эти вопросы, Бауман проникает на глубинный уровень «цемента общества» — в область морали — и обнаруживает «растекающиеся» границы, нечеткие контуры и пошатнувшиеся основы современного миропорядка, именно здесь.

Текучесть и неопределенность порождают страх. Отличие этого страха от страхов прошлых эпох — его непрерывность, это непрекращающийся страх, «текучий» страх. «Мы идем по минному полю, — говорил об этом страхе Бауман, — и не знаем, где и когда рванет»⁹. Именно этот страх заставляет нас поступиться свободой ради индивидуальной безопасности. Собственно социальная жизнь и есть постоянный поиск баланса между свободой и безопасностью. Это взгляд человека,

5. *Bauman Z.* (2003). *Liquid Love: On the Frailty of Human Bonds*. Cambridge: Polity; *Bauman Z.* (2005). *Liquid Life*. Cambridge: Polity; *Bauman Z.* (2006). *Liquid Fear*. Cambridge: Polity; *Bauman Z.* (2006). *Liquid Times: Living in an Age of Uncertainty*. Cambridge: Polity; *Bauman Z., Lyon D.* (2012). *Liquid Surveillance: A Conversation*. Cambridge: Polity; *Bauman Z., Donskis L.* (2016). *Liquid Evil*. Cambridge: Polity.

6. Из лекции, прочитанной Зигмунтом Бауманом в летней школе для советских социологов в Манчестере, в 1991 году.

7. *Bauman Z.* (1998). *Globalization: The Human Consequences*. New York: Columbia University Press.

8. *Bauman Z.* (2002). *Society under Siege*. Cambridge: Polity.

9. Что означает «мировой кризис гуманности»: интервью Зигмунта Баумана каналу «Аль-Джазира» 23 июля 2016 года (*Zygmunt Bauman: Behind the World's «Crisis of Humanity»*): <http://www.aljazeera.com/programmes/talktojazeera/2016/07/zygmunt-bauman-world-crisis-humanity-160722085342260.html>.

который «пережил два тоталитаризма» и имел право судить и о свободе, и о безопасности (во всех смыслах)¹⁰. В поисках безопасности общество модерна с присущим ему рационализмом использует различные приемы социальной эксклюзии. (И самым поразительным в своей трагичности примером этой калькулирующей рациональности Бауману служит Холокост¹¹.)

Сегодня мы, по Бауману, переживаем времена, когда этот «маятник» стремительно движется в сторону безопасности, и мораль этого момента заново переосмысливает и свободу, и толерантность, и врагов, и друзей, и жизнь, и смерть. Во многом такую мораль Бауман рассматривает (и оценивает, имея в прошлом опыт и коммунистических убеждений, и социал-демократических, и памятуя о критическом марксизме, и учитывая критику постмодернистов) как порождение неолиберализма. Нравственная проблема нынешней «Свободы» заключена в том, что она утратила необходимую связь с «Равенством» и «Братством». Толерантность, ставшая духом времени, распространяется в том числе и на социальную несправедливость — мы невероятно терпимы к ней, мы уважаем бедность как «инаковость», — и все возрастающее социальное неравенство поглощается в той же мере растущей социальной энтропией.

«Смогут ли выжить понятия равенства, демократии и самоопределения, — спрашивает Бауман, — когда общество все в меньшей мере рассматривается как результат совместного труда и общих ценностей и во все большей мере — как просто контейнер товаров и услуг, к которым тянется множество конкурирующих рук?»¹²

В этом обществе нас настигает «кризис гуманности», который, по мысли Баумана, в Европе сегодня воплощают в себе беженцы. Перед нами новый эпизод взаимоотношений с «чужаком» как неизменной проблемой социологии. Рефлекс эксклюзии, поиска внутреннего врага неожиданным образом срабатывает в отношении либерального истеблишмента, который оказался «чужаком» в своем обществе и легкой добычей «популистов». (В одной из своих последних лекций Бауман сравнивал их в способности превращать всех и вся в «чужаков» с Холокостом.) А «популистские» настроения, в свою очередь, становятся мишенью для либе-

10. Зигмунт Бауман родился в Познани. В 1939 году семья переехала в СССР. В 19 лет он уже воевал в составе 1-й армии Войска Польского в качестве политического комиссара, а после войны служил в Корпусе внутренней безопасности (KWD), который в это время боролся с украинскими националистами и остатками польской Армии Крайовой. Одновременно со службой изучал социологию в Варшавской академии политических и социальных наук. Дослужившись до майора, был уволен 1953 году и стал безработным, однако защитил кандидатскую диссертацию по истории британского социалистического движения и начал преподавать в Варшавском университете. В 1968-м уехал в Израиль и преподавал в Тель-Авиве и Хайфе. Затем была Австралия и, наконец, университет Лидса.

11. *Bauman Z.* (1989). *Modernity and the Holocaust*. Ithaca: Cornell University Press. На русском: *Бауман З.* (2010). *Актуальность Холокоста* / Пер. с англ. С. Кастальского и М. Рудакова под ред. А. Олейникова. М.: Европа, 2010.

12. Что означает «мировой кризис гуманности»: интервью Зигмунта Баумана каналу «Аль-Джазира» 23 июля 2016 года (<http://www.aljazeera.com/programmes/talktojazeera/2016/07/zygmunt-bauman-world-crisis-humanity-160722085342260.html>).

рально настроенной публики. Наше общество охвачено войной чужаков против чужаков. Но беженцы в Европе, по Бауману, это не просто масса чужаков; это — воплощение нашего страха потерять все, чем мы дорожим. Еще вчера многие из них были вполне благополучны, уверены в себе, обеспечены и строили планы на будущее в своих странах — как и европейцы сегодня в своих. И вот они здесь¹³. «Потрясения только начинаются, — говорит Бауман, — взаимопонимание достигается не сразу, на это может уйти жизнь целого поколения, и даже не одного...»

Теперь мы можем расценивать это как завещание нам приготовиться к тяжелым временам и сохранять тот дух интеллектуальной независимости и достоинства, которым был отмечен академический и жизненный путь Зигмунта Баумана.

The Farewell Look Back to Post-Modernity: Between Freedom and Safety. Zygmunt Bauman (1925–2017)

Svetlana Bankovskaya

Professor of Sociology, Centre for Fundamental Sociology,
National Research University Higher School of Economics
Address: Myasnitskaya str., 20, Moscow, Russian Federation 101000
E-mail: sbankovskaya@gmail.com

13. В некотором смысле такого рода рассуждение о том, что «другие» (в каком бы то ни было качестве) являются для общности воплощением одновременно и того, чем общность не является, и того, чем она боится стать, встречается уже в его книге «Mortality, Immortality and Other Life Strategies» (Cambridge: Polity, 1992). Здесь этими «другими» выступают мертвые, в отношении которых живые каждый раз, участвуя в ритуалах погребения, практикуют не просто мемориализацию, но приобщаются к солидарности живых и демонстрируют эту солидарность самим себе (отдавая при этом себе отчет в том, что и приобщение к этой «другой» солидарности — мертвых — возможно, и весьма неожиданным образом).